

зубаемых в социологии, адекватно не отражает новые тенденции в понимании социальной реальности.

Библиографический список

1. Habermas J. Stumpf gewordene Waffen aus dem arsenal der Gegenaufklarung. Brief an Sontheimer vom 19.9. 197. In Duve (Hg.) Briefe zur Verteidigung der Republic. – Reinbeck, 1977.
2. Handy Ch. Jak najít smysl v nejistotě in Nový obraz budoucnosti, Management Press Praha, 1998.
3. Haraway, D. «Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective.» In Haraway, D.: Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. – London: Free Association Books. 1991.
4. Kašparová, E.: Analýza možností a konkrétních forem vzdělávání prostřednictvím ICT-online jako předpokladu rozvoje virtuální týmové práce v organizacích, Dissertation, VSE, 2008.
5. Kluckhohn, C. 1962. Culture and Behavior: The Collected Essays of Clyde Kluckhohn. Free Press.
6. Kuhn T. Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen. – Praha, 1997.
7. Maturana H. Ontology of Observing, in Conference Workbook: Texts in Cybernetics, American Society For Cibernetics Conference, Felton, CA., 1988.
8. Neubauer, Z. Smysl a svět. Moraviapress. – Praha 2001.
9. Para-Lunna F. A draft theory of society in Papers, 72, 2004 (34 pp.). (English version in Systems research and behavioral science, 18, 2001).
10. Sociologický časopis, 1997, Vol. 33 (No. 1: 57–67).
11. http://cs.wikipedia.org/wiki/Thomas_Kuhn
12. <http://mrkvicka.blogspot.com/2008/03/paradigma.html>
13. <http://www2.tf.jcu.cz/~erban/paradigma.pdf>

УДК 303.725.2

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

BASIC CONCEPTS IN THE MODERN PHILOSOPHY OF SOCIAL SCIENCES

D. G. Kukarnikov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Summary. This article is devoted to the contemporary issues in the philosophy of social sciences. Basic models of social cognition (naturalism, antinaturalism, pluralism, critical approach) are analyzed here. The author investigates the main trends in the philosophy of social sciences and outlines perspectives of the future elaboration.

Keywords: naturalism, antinaturalism, philosophy of social sciences, pluralism, phenomenological sociology, ideal type, social reality, critical social science, explanation theory, concepts and methods, theories of scientific growth.

Философия социальных наук – достаточно новое для отечественной философии направление исследований, хотя на Западе оно достаточно давно сформировалось в качестве самостоятельной ветви философских изысканий. Уже в конце 60-х гг. XX века вышли в свет крупнейшие в данной области антологии Мэя Бродбека и Леонарда Кримермана [2; 7], которые во многом определили главные векторы развития философии социальных наук в 70-е гг. Основным достоинством этих работ, которые, вне всякого сомнения, были лучшими среди многочисленных публикаций по

теме, является то, что в них удивительно гармонично, взаимодополняя друг друга, сосуществовали как классические, так и современные (на тот момент) тексты. Опубликование новых работ в области философии социальных наук стимулировало оживление дискуссий как по традиционным вопросам (таким как: природа объяснения, объективность, функционализм), так и дебатов, связанных с проблемами интерпретации, редукционизма, а также с обращением к проблемам специальных наук.

80–90-е гг. ознаменовались новым возрастанием интереса к области философии социальных наук, что было вызвано усилением внимания учёных-практиков к вопросам методологии и признанием важности установления более тесных связей между философским исследованием и исследованием в области конкретных (специальных) социальных наук. С новой силой вспыхнули традиционные философские дискуссии о природе взаимоотношений между естественными и социальными науками. Результатом явилось опубликование трёх крупных работ: Дэвида Брейбука «Философия социальных наук», Александра Розенберга «Философия социальных наук» и Даниэля Литтла «Виды социального объяснения» [1; 16; 9]; в этом же ряду следует назвать самую, пожалуй, фундаментальную монографию «Чтения в области философии социальных наук», изданную в 2000 году в Кембридже [15].

Несмотря на разнообразие проблем, которые находились в фокусе внимания философии социальных наук в различные периоды, существовала, тем не менее, некая константа, в той или иной мере присутствовавшая всегда – это дискуссия между представителями *натурализма* и *антинатурализма*. Традиционно терминами «натурализм» и «антинатурализм» принято обозначать две основных модели исследования социального феномена. Согласно *натуралистическому подходу* общественные (социальные) науки должны изучать феномен общества тем же способом, каким естественные науки изучают феномен природы, и стремиться к тем же целям, главные из которых – предсказание и объяснение. Сторонники такого подхода полагают, что существуют научные законы развития общества, аналогичные законам классического естествознания, которые, однако, более сложны для изучения (ввиду необходимости учёта фактора человеческого поведения), а потому имеют более обобщённый, статистически-вероятностный характер. Вместе с тем, по их мнению, подобные различия не могут привести к фундаментальным противоречиям между естественными и социальными науками ни в предмете исследования, ни в процедурах объяснения [Подр. см.: 9, Chapter 11].

Представители *антинатурализма*, напротив, полагают, что изучение общества социальными науками кардинально отличается от изучения природы из-за фундаментальных различий как в предмете, так и в основных целях (и даже в терминологии!) исследования. Особый акцент антинатуралисты делали на различиях в методах социальных и естественных наук, полагая, что первые используют метод понимания (*Verstehen*) в стремлении рассмотреть общество с позиций *социального агента*, тогда как натуралисты фокусируют своё внимание на объяснении, стремясь выявить причинно-следственные связи. Вспомним хотя бы Г. Риккерта, который рассматривал проблему общественного закона в связи со спором о генерализирующих и индивидуализирующих методах и который жёстко разводил историю и естествознание в предметном и методологическом отношениях. Представители антинатурализма отрицают существование общественных законов, полагая, что даже если бы таковые существовали, они были бы неприменимы на практике, иррелевантны.

Несмотря на то, что в последнее время натурализм утратил популярность (многие представители современной философии социальных наук не рассматривают его в качестве жизнеспособной позиции), обозначенная выше полемика между натурализмом и антинатурализмом всё ещё продолжается, хотя и под новыми названиями. Так, например, вместо апелляции к методу *Verstehen* представители антинатурализма для обоснования своей позиции больше говорят об интерпретации значений или о герменевтическом понимании. (Хотя при этом сохраняется негативное отношение к необходимости применения процедуры объяснения, что свидетельствует о сохранении фундаментальных расхождений между обеими позициями [14]).

Существует ещё один подход к исследованию социальных феноменов, в основе которого лежит уверенность во взаимодополняемости натурализма и антинатурализма, и, как следствие, убеждённости в возможности совместить их позиции; такой подход получил название *плюралистического*. Учёный, занимающийся исследованием в области социальных наук, может, по мнению плюралистов, одновременно придерживаться как натуралистической, так и антинатуралистической исследовательских программ в силу того, что эти программы сосредоточены на изучении различных аспектов человеческого действия, каждый из которых, однако, одинаково важен для максимально полного понимания феномена общества в целом [4; 5]. Поиск методологических оснований плюралистического подхода восходит ещё к работам Карла Поппера, посвящённым разработке метода «ситуационного анализа» и проблемы «исторического понимания» (особенно важна в данной связи статья «Плюралистический подход к философии истории» [12]).

Рассматривая проблему соотношения социальных и естественных наук, К. Поппер отталкивается от того, что они очень сильно приближаются друг к другу не в силу наличия единой научной точки зрения, но в силу единства применяемых в них методов научного исследования. И социальные, и естественные науки, согласно его позиции, имеют равные возможности получения объективного знания. К. Поппер выступил с критикой взглядов В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, И. Бёрлина и Дж. Коллингвуда, которые, как он полагает, пытались обосновать существование непроходимой пропасти между социальными и естественными науками. Основа этих заблуждений – ошибочное понимание методов естествознания, в частности, некритическая оценка представителями естественных наук индуктивного метода как единственно научного. Следствием такого понимания явилось отождествление процесса научного познания с процессом перехода от наблюдений, анализа к обобщениям.

И для естественных, и для социальных наук, согласно К. Попперу, характерен метод проб и ошибок, т. е. метод формулирования проблем, выдвижения их предположительных решений, критического обсуждения с элиминацией ошибочных предложений и переходом к формулировке новых проблем. Именно такая характеристика познавательного процесса лучше всего раскрывает ограниченность достигнутого уровня знаний, помогает рассматривать прогресс научного знания как путь, пройденный им от одной проблемы к другой, понять влияние вненаучных факторов на постановку этих проблем. К. Поппер допускает, более того, он уверен, что предположения, казавшиеся истинными на одной стадии исследования, непременно окажутся ошибочными на последующих стадиях. К примеру, появление новых документов может заставить учёных реинтерпретировать прежние документы, а надпись, прежде казавшаяся незначительной, мо-

жет приобрести особую важность для решения определенной проблемы. «Не существует критерия истины, но есть нечто сходное с критерием заблуждения – это противоречия между нашим знанием и фактами. Таким образом, знание может возрасти путем элиминации ошибок. И таким путём мы приближаемся к истине» [12, р. 193].

Подобный метод получения научного знания присущ как естественным, так и социальным наукам. Историк, к примеру, начинает научное исследование с анализа «исторических проблем», потому что «он не может начинать с наблюдений, он должен сначала знать, что именно наблюдать, т. е. он должен начинать с проблем. Более того, не существует такой вещи, как неинтерпретированные наблюдения. Все наблюдения интерпретируются в свете определённых теорий. В равной мере это относится и к документам» [12, р. 196].

К. Поппер критикует подход, согласно которому одной из черт, отличающих естественные и социальные науки, является степень объективности получаемых знаний. При этом подчёркивается, что для естествознания в большей мере характерна беспристрастность, объективность. Контраргумент К. Поппера таков: подобные утверждения недооценивают социальную природу естественных наук (в адрес теоретиков «социологии знания»). По его мнению, естествоиспытатели, так же как представители социальных наук, находятся под влиянием определённого социального и интеллектуального климата, традиций, моральных норм, систем ценностей, способов мышления. Эти ценности формируются стихийно, люди их заимствуют друг от друга, иногда как реакцию на общепринятые ценности и лишь изредка путём критического анализа этих ценностей и вытекающих из них альтернатив. Поэтому естествоиспытатели, разделяя те или иные теории, активно их защищают, что не всегда обусловлено только поисками «чистой» истины. Если в естествознании и содержится больше элементов объективного знания, то это обусловлено тем, что в этих науках более развиты традиции, выше стандарты чёткости, критерии определения объективности полученных результатов, элементы *критического рационализма*. В социальных же науках, согласно Попперу, намечается тенденция дегенерации, перехода в сферу пустого вербализма, происходит потеря элементов критического творчества.

Ещё одним подходом к изучению мира социального в XX веке, мимо которого невозможно пройти, явилась феноменологическая социология, зародившаяся в конце 60-х гг. в США. Социального мыслителя феноменологической ориентации внешний мир интересует лишь постольку, поскольку он полон значений; и он пытается понять, каким именно образом мы привносим в него эти значения, исследовать пути и способы, которыми мы структурируем этот мир в нашем сознании [13, Р. 117]. Наиболее авторитетным теоретиком, представляющим данное направление, был, без сомнения, Альфред Шюц, ученик Эдмунда Гуссерля, испытавший явное воздействие философии прагматизма, с одной стороны, и символического интеракционизма, с другой.

В своей классической работе «Феноменология социального мира» он попытался исследовать вопрос о гносеологических основаниях социального знания посредством соединения феноменологического видения мира и социологии: «В самом деле, самый серьёзный вопрос, на который следует ответить методологии социальных наук, состоит в следующем: как возможны объективные понятия и объективная проверяемая теория о субъективно значащих структурах?» Ответ А. Шюца таков: «Основной тезис, что понятия, формируемые общественной наукой, являются конст-

рукциями конструкций, образованных в обыденном сознании действующих на социальной сцене людей, имеет своё объяснение. Научные конструкции второго уровня, построенные в соответствии с процедурными правилами, являются объективными, идеально-типическими конструкциями и как таковые – конструкциями другого рода по сравнению с конструкциями первого уровня – конструкциями обыденного сознания, над которыми они должны надстраиваться» [18, Р. 65].

Ориентируясь на теорию «идеальных типов» М. Вебера, А. Шюц полемизирует с Эрнстом Нагелем и Карлом Гемпелем при обсуждении вопроса об объективности социального знания. Его не устраивает основанное на неопозитивистской методологии стремление получать знание о социальной действительности на основании данных о явном поведении (бихевиоризм). Построенная по подобному образцу социальная наука представляется ему только одним, внешним способом осознания социальной действительности. В этой связи он критикует Э. Нагеля, считая, что логический эмпиризм и натурализм рассматривает социальную реальность как простую, естественную данность. Однако на самом деле мир культурных объектов и социальных институтов совсем иной.

Социальная реальность, согласно А. Шюцу, – это совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, это – интересубъективный мир, предполагающий интеркоммуникацию и язык. Социолог наблюдает социальную реальность – реальность повседневной жизни людей, создающих серию конструкций обыденного сознания для интерпретации этого мира (эти конструкции суть идеальные объекты). Это конструкции первого уровня. Сам исследователь социальной реальности создаёт идеальные конструкции о мире для познания этой реальности, отталкиваясь от идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием. Это конструкции второго уровня.

Конструкции первого уровня относятся к субъективным элементам; конструкции второго должны ссылаться на субъективное значение действия, но при этом от них ожидается объективность. Объективность социальных наук (понимаемая как их независимость от социальных ценностей) связана со следованием процедурным научным правилам, с тем, каким образом они создаются исследователем. По А. Шюцу, учёный конструирует типичные модели наблюдаемого поведения, упорядочивает эти модели как модели поведения некоего идеально действующего лица, сознанию которого приписываются ряд типичных идей, намерений и целей, «которые принимаются инвариантными в предполагаемой модели поведения» [17]. Причём конструкции такого рода являются адекватными и объективными.

Постепенно А. Шюц проясняет и решение вопроса об истинности социального знания. Истинность отождествляется с объективностью, последняя – с адекватностью, а она, в свою очередь, – с возможностью понимания. Социальный учёный имеет дело с областью, созданной посредством типологизации вне «отдельных потоков опыта», причём подходит к ней с собственным «проектом понимания», главное в котором заключается в необходимости создания её рационального описания. «Последнее означает, что каждый термин в научной модели человеческого действия должен быть сформулирован таким образом, чтобы поведение индивидуального действующего лица в реальном мире, в соответствии с типическим конструктом поведения, было бы понятно как самому действующему, так и его партнёру, с помощью обыденных интерпретаций повседневной жизни. Соответствие с постулатом логической последовательности гарантирует объективную достоверность объектов мышления, созданных социальным

учёным; соответствие же с постулатом адекватности гарантирует их совместимость с конструктами повседневной жизни» [18, р. 66].

Было бы несправедливым не упомянуть о ещё одном подходе, связанном с так называемой «критической социальной наукой». Согласно этому подходу, общественные науки должны разоблачить предубеждения и идеологии, скрывающиеся за позицией того или иного социального мыслителя. Сторонники подобного взгляда полагают, будто глубокие бессознательные предубеждения, основанные на классовой, расовой или половой принадлежности, влияют на наше исследование. Социальный мыслитель должен оказывать помощь в осознании этих предубеждений и освобождении от них.

Подобный взгляд кардинально отличен от взглядов, к примеру, натурализма и антинатурализма, которые, невзирая на все противоречия в отношении друг друга, имеют некое негласное соглашение об объяснении как о главной цели социальной науки. Абсолютной же целью критической социальной науки провозглашается эмансипация – освобождение от предубеждений, невежества и всех форм угнетения. Некоторые авторы [1; 4] полагают, что фактически критическая социальная наука зависима от натуралистической или антинатуралистической методологии, однако этот взгляд мало что проясняет в отношении целей критического исследования, которые как уже было сказано выше, отличны от целей натурализма и антинатурализма. Даже если методологически критическая социальная наука уходит корнями в натурализм или антинатурализм, было бы неверным заявлять, что она может быть редуцирована к ним: это было бы равносильно тому утверждению, что медицина, к примеру, редуцируема к биологии.

Основные модели философии социальных наук

Существовало несколько различных концепций в области философии социальных наук, формулирующих её основные задачи и цели. Согласно одной из них, философия должна объединить различные общественные науки на основе некоей общей перспективы. Существует два способа решения этой задачи: во-первых, это – *создание классифицирующей программы*, на основе которой могут быть поняты все важнейшие методы социальных наук, установлены связи между ними; во-вторых, это – *конструирование грандиозной объясняющей теории*, с помощью которой стало бы возможно понять и объяснить во всей полноте комплексный феномен общества [3; 10].

Без сомнения, подобные взгляды на место и роль философии социальных наук имеют глубокие историко-философские основания и являются вполне жизнеспособными и сегодня. Так, с одной стороны, классифицирующая программа может быть использована в распознавании и критике достаточно распространённых взглядов о том, что все социальные науки используют единый метод исследования. С другой стороны, если попытка объединить в рамках общей теоретической модели разнообразные данные в области социальных наук окажется успешной, это поможет более глубоко понять социальную реальность и приведёт к созданию новых ярких теорий общества, возможно, аналогичных тем, что уже существуют в области естественных наук.

Данная точка зрения, однако, нуждается в серьёзной корректировке с учётом того, что зачастую современные науки об обществе весьма некритичны в своей основе; в данной связи можно даже вести речь о недооценке нормативной ценности философского анализа. Философ, занимающийся исследованиями в области социальных наук, должен не только предло-

жить некую общую классифицирующую программу, но и критически оценить возможности её практического использования. В социальных науках слишком многое требует углублённого анализа, а не просто лишь осуществления той или иной классификации. Так, например, представители социальных наук довольно часто заявляют о том, что теория или классифицирующая программа не в состоянии объяснить социальный феномен. Но использование термина «объяснять» достаточно часто осуществляется в различных значениях, а потому одной из важнейших задач философии социальных наук является анализ смысла используемых дефиниций, что позволит поставить изучение общества на действительно научную основу.

В концепции, предполагающей создание всеобъемлющей объясняющей теории в области социальных наук, также присутствуют свои слабые места. Прежде всего, не может считаться установленным фактом, что именно философы должны и могут заниматься созданием подобных эмпирических теорий (во всяком случае, в наше время наиболее значимые из попыток подобного рода предпринимались как раз не философами, а представителями социальных наук, тяготеющих к теоретическим изысканиям). Во-вторых (и это, наверное, самый важный контраргумент), сегодня под большим вопросом сама возможность создания такой теории, которая, как и во все времена, оспаривается многими исследователями. Более того, можно вести речь о существовании перманентных дискуссий о том, насколько совместима подобная цель с задачами специальных (частных) наук об обществе [См.: 15, Chapters 2, 4, 9].

В ещё одной концепции философии социальных наук отстаивается точка зрения, согласно которой *философ должен анализировать концепты и методы* наук об обществе; в его задачу входят также критическое рассмотрение социальных наук и обнаружение противоречий в используемой аргументации. Конечно, подобный подход имеет право на существование; он связан с существованием специальных разработок в области философской логики и анализа, которые позволяют философии внести существенный вклад в осуществление того или иного социального исследования.

Вместе с тем и данная позиция также подвергается критике. Во-первых, исключительное право философии на осуществление анализа в области социальных наук может замкнуть её на самой себе, увести в сторону от полномасштабного понимания феномена общества и его критической оценки. Во-вторых, по мнению некоторых философов [6], анализ концептов и методов социальных наук должен быть всецело сосредоточен на изучении неких априорных предпосылок. В действительности же такого рода анализ требует более глубокого знания особенностей собственно научного исследования; он должен носить методологический характер и одновременно быть связан с существом исследуемой проблемы.

Третья концепция в области философии социальных наук рассматривает *философа в качестве социального критика*, который оценивает общественную полезность или же, наоборот, вред социальных наук; философ должен разоблачать предрассудки и пристрастия, присущие специальным наукам об обществе, предлагая взамен определённые моральные нормы для осуществления подлинно научного исследования общества. (Идейно к ней близки взгляды *критической социальной науки*, о чём шла речь выше. Однако следует иметь в виду, что далеко не все философы, разделяющие идею воздействия моральных и социальных норм на характер научного исследования, позиционируют себя как представителей критической теории общества).

Подобное понимание философии социальных наук было бы неполным, если бы не включало в себя синтетический и аналитический компоненты, которые существенно его дополняют и углубляют. Учёный – социальный критик – должен иметь понимание основополагающих тенденций развития социальных наук, представлять некую общую картину их эволюции. Он мог бы, например, многое почерпнуть из анализа содержания дискуссий представителей натурализма и антинатурализма; более того, философский анализ некоторых ключевых идей и выводов в области общественных наук, безусловно, является необходимым для осуществления их аргументированной критики.

Согласно четвёртой концепции, философия, пытаясь ответить на вопрос о том, каковы наилучшие условия для развития и прироста научного знания, создаёт *теории научного роста*. Данный подход получил широкую известность в философии науки, в особенности в области философии естествознания. Гораздо более бедно он представлен в современной философии социальных наук [8; 15], хотя некоторые его сторонники пытаются апеллировать к классике, полагая, что уже такие, например, авторы, как Ф. Бэкон и Дж. Милль работали в области создания теорий научного роста применительно к общественным наукам.

На наш взгляд, последняя из рассмотренных концепций философии социальных наук тесным образом взаимосвязана с тремя предшествующими, в значительной мере дополняя их. В перспективе философия, безусловно, сможет привнести свой вклад в *теории роста социальных наук*, особенно в плане формирования общей методологии исследования.

Каждая из четырёх концепций философии социальных наук, безусловно, важна по-своему, однако взятая сама по себе, носит достаточно ограниченный характер. Конечно, это не означает, что отдельные представители философии социальных наук должны одновременно использовать положения всех данных концепций. Часть исследователей может специализироваться в области создания всеобъемлющих объясняющих теорий или же классифицирующих программ, другие сосредоточатся на создании теорий научного роста, третьи будут сконцентрированы на философском анализе научных концепций и методов, четвёртые – на социальном критицизме применительно к научным теориям общества и их использовании в практической политике. Вместе с тем следует иметь в виду, что работа того или иного представителя философии социальных наук, вовлечённого преимущественно в один из обозначенных типов исследования, чаще всего оказывается весьма важной и для других авторов, работающих в русле иной парадигмы.

С этим можно было бы согласиться, но перед нами встаёт куда более важный вопрос: «А действительно ли необходима философия социальных наук вообще»? Быть может, все те направления исследований, на которые претендуют представители философии социальных наук, вполне реализуемы на уровне учёных, представляющих общественные науки? Такого рода учёный, имеющий теоретические наклонности, может попытаться выработать свой взгляд на создание научной методологии общества, внести ясность и проанализировать сложившиеся в науке концепции и методы, критически заострить вопросы об ответственности учёных-обществоведов и использовании научной информации об обществе.

Что же в таком случае может предложить философия для социальных наук, чего они не в состоянии сделать сами? На наш взгляд, вообще невозможно провести жёсткую грань между работой учёного, представляющего науки об обществе, и философа, работающего в области философии

фии социальных наук. Но определённое различие между этими двумя фигурами всё же имеется: использование основных концепций философии социальных наук для учёного-обществоведа не является центральной (и самоценной!) задачей, выступая в лишь качестве некоего предварительного условия для реализации основополагающих целей его исследования, тогда как для философа самостоятельную значимость будет иметь именно анализ идей. Вместе с тем, подлинная философия социальных наук должна координировать свои исследования с результатами, достигнутыми в области специальных наук об обществе, их практическими разработками – иначе философское осмысление научного изучения общества рискует превратиться в фикцию, в набор не связанных с реальностью абстракций.

Разработки в области философии социальных наук не только позволяют ориентироваться в различных концепциях наук об обществе, что, безусловно, является необходимым условием для фундированного понимания этих наук; с их помощью также вырабатывается инструментарий, на основе которого социальные науки могут противостоять своим оппонентам. Критики наук об обществе долгое время противопоставляли социальные науки естественным, стараясь максимально принизить их роль и значение, ссылаясь при этом на особый характер принятых в них концептуальных схем и отличный от естественнонаучных характер проблем (рефлексивность, субъективизм, невозможность провести контролируемый эксперимент и т. п.).

Однако тезис о неполноценности социальных наук не может считаться в полной мере доказанным. Уже Эрнст Нагель в своей работе «Структура науки» [11] не отрицал существования серьёзных практических трудностей, связанных с построением социальной теории, зачастую более серьёзных, чем это осознаётся исследователем в области социальных наук, но полагал при этом, что «практические трудности должны быть осторожно отделены от концептуальной невозможности». Он подчёркивал, что дискуссии на тему, является ли социальное исследование подлинной наукой, попросту непродуктивны. «Главная задача – достичь ясности по фундаментальным методологическим подходам, понять структуру объяснения в области социальных наук, нежели присваивать какие-либо ужасающие ярлыки» [11, р. 185]. На наш взгляд, философия социальных наук даёт возможность выделения общих черт, присущих исследовательским методам наук об обществе, а также позволяет понять некие скрытые значения, обусловленные ими.

Библиографический список

1. Braybrooke D. *Philosophy of the Social Science*. – Englewood-Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1987.
2. Brodbeck M. *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*. – London: Macmillan, 1968.
3. Diesing P. *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. – Chicago: Aldine-Atherton, 1981.
4. Fay B. *Critical Social Science* / Brian Fay. – Ithaka: Cornell University Press, 1987.
5. Fay B. *What Would an Adequate Philosophy of Social Science Look Like?* // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – Chapter 2. – P. 21–36.
6. Fodor J. *The Disunity of Science as a Working Hypothesis* // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 687–700.
7. Krimerman L. *The Nature and Scope of Social Science*. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1969.
8. Lakatos I., Musgrave A. *Criticism and the Growth of Knowledge*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

9. Little D. *Varieties of Social Explanation*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1991.
10. Martin M. Taylor on Interpretation and the Sciences of Man // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 259–280.
11. Nagel E. *The Structure of Science*. – New York, Harcourt: Brace & World, 1961.
12. Popper K.R. *Pluralist Approach to the Philosophy of History* // In: *Roads to Freedom. Essays in Honour of Friedrich A. von Hayek*. – London, Routledge & Kegan Paul, 1969.
13. Psathas G. *Phenomenological Sociology: Issues and Applications*. – New York: John Wiley, 1973.
14. Rabiniv P., Sullivan W. *Interpretive Social Science: A Second Look*. – Berkeley: University of California Press, 1987.
15. *Readings in the Philosophy of Social Science* / Ed. by Michael Martin and Lee C. McIntyre. – Cambridge: The MIT Press, 2000.
16. Rosenberg A. *Philosophy of the Social Science*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1988.
17. Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М.: ИФРАН, 1997. – 178 с.
18. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. – М.: РОССПЭН, 2004.

Bibliography

1. Braybrooke D. *Philosophy of the Social Science*. – Englewood-Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1987.
2. Brodbeck M. *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*. – London: Macmillan, 1968.
3. Diesing P. *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. – Chicago: Aldine-Atherton, 1981.
4. Fay B. *Critical Social Science* / Brian Fay. – Ithaka: Cornell University Press, 1987.
5. Fay B. What Would an Adequate Philosophy of Social Science Look Like? // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – Chapter 2. – P. 21–36.
6. Fodor J. The Disunity of Science as a Working Hypothesis // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 687–700.
7. Krimerman L. *The Nature and Scope of Social Science*. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1969.
8. Lakatos I., Musgrave A. *Criticism and the Growth of Knowledge*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
9. Little D. *Varieties of Social Explanation*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1991.
10. Martin M. Taylor on Interpretation and the Sciences of Man // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 259–280.
11. Nagel E. *The Structure of Science*. – New York, Harcourt: Brace & World, 1961.
12. Popper K.R. *Pluralist Approach to the Philosophy of History* // In: *Roads to Freedom. Essays in Honour of Friedrich A. von Hayek*. – London, Routledge & Kegan Paul, 1969.
13. Psathas G. *Phenomenological Sociology: Issues and Applications*. – New York: John Wiley, 1973.
14. Rabiniv P., Sullivan W. *Interpretive Social Science: A Second Look*. – Berkeley: University of California Press, 1987.
15. *Readings in the Philosophy of Social Science* / Ed. by Michael Martin and Lee C. McIntyre. – Cambridge: The MIT Press, 2000.
16. Rosenberg A. *Philosophy of the Social Science*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1988.
17. Smirnova N. M. From social metaphysics to phenomenology «natural line» (phenomenological theme in contemporary social cognition). – М.: Ifrane, 1997. – 178 pp.
18. Shyuts A. *Formation of concepts and theories in the social sciences* / Shyuts A. *Selected: World glowing sense*. – М.: ROSSPEN, 2004.